

Многим ли удавалось лично ловить рыбу длиной в несколько метров? Кто из дальневосточников вытягивал на лед ярящуюся калугу весом в несколько центнеров, когда у ног вскипает вода в широкой проруби и стоит вопрос «кто кого»? Все меньше становится в водах Амура прекрасной рыбы — повелительницы речных глубин, остаются лишь воспоминания...

Глава 1

Вечер, от почти протопившейся печи плывет уютный жар, слегка потрескивает раскаленный кирпичный обогреватель, на чугунной плите поскрипывает подогреваемый с одного бока бак с водой. Папа устроился на маленьком стульчике около приоткрытой дверцы печки, прислонился спиной к стене, пуская густые струи сигаретного дыма на грудь красных от жара углей на колоснике. У него вечерняя расслабуха, моцион без прогулки. Мы с мамой пьем чай, поочередно наполняя небольшие чашки из электрического самовара, грызем конфетки-подушечки, сушки, слушаем собачий тоскливый вой за окном.

Докурив, родитель щелчком пальцев ловко забросил бычок на угли, прикрыл чугунную дверцу с отлитой на ней ценой (1 руб. 25 коп., во времена были!), повернул ко мне раскрасневшееся от печного жара улыбающееся лицо, подмигнул и сказал:

— Собирайся, сын, утром раненько выходим, снасть пойдем проверять!

У меня внутри все обмерло, рот непроизвольно открылся. Ничего себе, сколько просился, все отказ, а тут на тебе — ни копыа, да вдруг алтын!

Мама хранила молчание, зная, меж родителями, минуя меня, уже была достигнута договоренность. Забыв про недопитый чай, я сорвался с табуретки и рванул выбирать одежду: собираться с вечера был приучен с малых лет, как бы ни устал, не хочется с утра никаких сборов. Под руководством мамы отобрал необходимую амуницию, не забыв сунуть в карман мутоновой шубки остро отточенный папой маленький складной нож. Не гулять иду — на серьезную рыбалку! Время перевалило за одиннадцать, а уснуть никак не удавалось, уж очень я был взбудоражен. Да и кто на моем месте остался бы равнодушным? Идем ловить повелительницу амурских глубин — калугу, царицу здешних рыб. Такой рыбы я еще ни разу не

видел, зато осетра папа привозил домой целиком, его величина меня поразила. «От умывальника до холодильника» — так по младости лет я охарактеризовал размер шипастой рыбины. Под заунывное завывание двух луженых собачьих глоток, строя в уме картины ни разу не виденной мною рыбалки, незаметно провалился в сон.

Ночь не запомнилась никакими сновидениями, спал я весьма чутко — стояло на кухне, соседствующей с моей детской, щелкнуть выключателя и загореться свету, как меня будто подбросило со старенького раскладного дивана. Прошлепав босыми ступнями по холодному полу и выглянув из-за задернутых на ночь плотных штор на кухню, я увидел вытирающего лицо махровым полотенцем папу.

— Доброе утро, пап!

Тот вздрогнул, повернулся ко мне и сказал:

— Здорово, сын! А ты чего не спишь? Я тебя планировал будить еще не скоро. Чушек нужно накормить, навоз вывезти, чтобы матери поменьше работы было. Ну, раз поднялся, кипяти чаек да заварочку новую завари!

Получив ценные указания, наскоро умылся, почистил зубы, и к приходу с улицы благоухающего запахами сарая родителя стол был накрыт, самовар кипел, кружки ждали кипятка. Плотно позавтракали, почасовничали, пришла очередь одевания. По завершении сего длительного действия мы напоминали луковицы — одеток было не счесть, не толстых, но в несколько слоев, с нашим морозом шутить не стоило. Проснувшаяся мама чмокнула меня в щеку, мы с папой, прикрыв за собой обитую одеялом дверь, миновали дощатый коридор, потолок которого весь зарос крупными кристаллами инея, открыли скрипнувшую наружную дверь и вышли на высокое крыльцо.

Было тихо, что для наших мест редкость, довольно морозно, градусник, прикрепленный около небольшого оконца, показывал минус двадцать пять. Сразу же у наших ног засуетились, замахали пышными хвостами подбежавшие сука Найда и ее бесполок сынок Соболя.

— О-о, про вас я и забыл! — с разочарованием в голосе протянул папанька. — Пошли, мои хорошие, на цепь, вы нам сегодня совсем не нужны!

Схватив за ошейники упирающихся собак, родитель поволок их к будкам. Поочередно щелкнули карабины ошейников, донеслось обиженное повизгивание. Вышли. Калитка на зиму снята с петель, иначе, как задует ветер, замучаешься откапывать. Заметало у нас знатно — с наветренной стороны дома голая земля, зато с подветренной собаки ходят по крыше.

Спустились с высокого снежного бруствера на прочищенную роторным снегоочистителем дорогу и бодро зашагали к недалекому Амуру. Миновали дымящую высокой кирпичной трубой кочегарку кабельного участка, дом Петровых, Мороза, Матвеевых и вышли на чистый, вылизанный ветром до последней снежинки лед. Его гладкая поверхность была покрыта слоем нанесенной пыли, наши следы в свете зарождающегося утра разительно отличались: папины, оставленные растоптанными валенками немалого размера, напоминали медвежьи, которые я уже видел; мои же идентифицировать было сложно, поскольку я бежал вприпрыжку и временами с разбегу кагился по льду, оставляя длинные, очищенные от снежной пыли дорожки. Вскоре пошли высокие, толстые торосы, сверкающие разными оттенками драгоценных камней в лучах восходящего солнца, от них тянулись пологие, до метра высотой сугробы, украшенные причудливыми застругами, снег был убит ветрами до состояния камня.

Миная белые бугры, мы даже не оставляли следов. Между длиннющими, тянущимися вниз по течению реки сугробами были неширокие, пять-шесть метров, чистые участки льда. Я ломаю ногой торчащие вверх льдины, с размаху бросаю их на лед, с восторгом наблюдая, как осколки с веселым перезвоном, подскакивая,

разъезжаются во все стороны. Не успел я вдоволь насладиться редким зрелищем, как был крепко отруган папой, едва не наворачувшись на попавшем под ногу осколке тороса. Шалить расхотелось, понурившись, побрел за пускающим сигаретный дымок родителем. Оглянувшись, увидел восхитительную картину — поселок курился множеством дымков из печных труб, парил охладителем электростанции, гордо протыкал небесную синь толстыми дымами кочегарок. Рычал двигатель бульдозера, чистящего улицы, ревели мощная водовозка. Софийск проснулся и жил активной жизнью.

Вскоре тальники острова Дайду замаячили совсем близко, до них было всего метров двести. Папа остановился у начала очередного сугроба, пнул подшитым валенком комок снега, нагнулся и отвалил в сторону кусок лежащего тороса. Под ним обнаружилась большого диаметра замерзшая лунка, из которой торчала пятимиллиметровая оцинкованная проволока, уходящая куда-то под снег. Так мы пришли? Честно сказать, я был немного разочарован, ведь мое воображение рисовало длительное путешествие через заснеженные луга, тальники, встречи с зайцами, куропатками и лисами... Все оказалось намного прозаичнее.

Отойдя на пару метров от лунки, папа сбросил с плеч пустой старенький рюкзак, наклонился, сунул руку под наклонно стоящий толстый торос, к которому был шалашиком прислонен еще один, и вытащил сначала пешню, затем сачок для выборки колотого льда, совковую лопату и холщовый мешок. В нем оказался топорик с замотанным в тряпку лезвием и большое мотовило, типа закидушечного, с намотанным на нем черным полевым кабелем, «полевиком».

Пешня то глухо, то звонко ухает в лунку, я внимательно наблюдаю. Затем приходит моя очередь — кряхтя от усердия, выгребая наколотые разнокалиберные ледышки сачком и, повинувшись указаниям родителя, с шорохом ссыпаю его в сторонку, стараясь не разбрасывать. Лунка оказалась промерзшей не шибко, вскоре показалась вода, с напором засочившаяся среди ледяной крошки, а затем произошло что-то странное. С громким хлопаньем проволока, с намерзшим на нее куском льда, резко нырнула в прорубь, оставшийся снаружи отрезок заскрипел по краю лунки.

— Что за хреновина? — папа явно озадачился необычным, видимо, поведением снасти. — А ну-ка! — нагнувшись, он попытался подсунуть под натянутую до скрипа проволоку рукоятку сачка. Куда там!

Очистив пешней все неровности довольно обширной лунки, родитель, нахмутив густые черные брови, сказал:

— Я пошел вторую пробивать, ты здесь оставайся, весь лед выбери, чтобы чисто было! Да смотри, аккуратно, не свались в воду! Тут одиннадцать метров глубина и течение дай бог!

Он, подхватив пешню, зашпешил через сорокаметровую полосу чистого льда в направлении берега.

Не успел я несколько раз черпануть сачком, как сзади раздался такой сочный мат, что ноги мои слегка приобмякли. Ничтоже сумняшеся, решил было, что по неведению я чего-то не того сделал. Но все оказалось не так. Обернувшись, увидел, как папанька, поливая кого-то мне невидимого отборной руганью, разглядывает что-то под ногами. Повернувшись ко мне, он махнул рукой:

— Иди сюда, Лешка! Посмотри, что эта дура натворила!

Раздираемый любопытством, я мигом пробежал невеликое расстояние и устался на лед, куда мне указывал родитель.

Под прозрачным ледяным панцирем медленно шевелилось невиданное чудовище, от вида которого мне стало страшно до мурашек на спине. Развернувшись головой вниз по течению, плавно поводя огромным хвостом, прямо под нашими ногами находилась громадная рыба.

— Ну как? Не видел еще такой?

В ответ на вопрос я очумело затряс головой.

— Сейчас дядю Сашу вызовем и вытаскивать будем!

Каким это образом можно вытащить из-под льда такого монстра, мне не хотелось и думать. Папа меж тем продолжил:

— Возьми топор да сходи на остров. Сырую тальничину сруби пару метров длиной, вот такой толщины, — показал он пальцами. — Не торопись, аккуратненько, времени у нас навалом.

Прихватив топорик, слушая раздающийся позади стук пещи, в раздумьях — как это можно сюда вызвать папиного компаньона? — я бодро затрусил на недалекий остров. Стоило мне приблизиться к густым тальникам, как раздался почти демонический хохот, от которого топор едва не выпал из моей ослабевшей от страха руки, тотчас захлопали крылья и из зарослей вверх вырвались штук тридцать белых куропаток. Снег был сплошь истоптан зайцами, лисами, несколько раз проложил аккуратную сдвоенную строчку следов колонок, куропаточки наброды были повсюду. На сухую тальничину неподалеку села прилетевшая сойка, несколько раз скакнула с ветки на ветку, будто демонстрируя мне ярко-голубые пятна на крыльях, и заскрипела противным голосом. Опасливо оглядываясь, срубил тальничину, отсек нужный отрезок и заспешил обратно.

Папанька, подстелив на снег крытый черной тканью полушубок, в который уперся рыбацкий нож в деревянных ножнах, висящих у него на поясе, сидел и курил. Одетый в черный вязаный свитер, от которого валит пар, улыбающийся родитель похвалил меня, поднялся, прихватив полушубок, и отошел на несколько метров в сторону. Там он воткнул принесенную мной палку в снег и повесил на нее одежду. Мне он объяснил:

— Вот, теперь мама в бинокль глянет — нас трое стало, значит, помощь нужна, станет дяде Саше звонить, он через часок здесь будет. А мы пока все приготовим да отдохнем малость.

Подивившись столь простой системе подачи сигналов, я пошел вычерпывать колотый лед. За время моего отсутствия папа расширил лунку, ставшую диаметром около метра. Смотреть на нее было страшновато — вода вспучивалась, закручивала стремительные воронки, отчетливо «всхлипывала» — течение было будь здоров.

Через полчаса вдаль показалась маленькая черная точка, это к нам спешила помощь. Подойдя, дядя Саша, постоянный папин напарник на охоте и рыбалке, пожал ему руку, меня дружески хлопнул по спине и сказал, улыбаясь:

— Вижу, нашего рыбацкого полку прибыло! Сколько тебе нынче годков стукнуло? Семь, говоришь?

Я кивнул.

— Молодца, так держать! — и, обращаясь к папе: — Рассказывай, Валя, про дела наши скорбные.

Тот, пересыпая речь крепкими словечками, объяснил, что случилось, хотя я ничего не понял. Какие-то якоря подняла, хребтину запутала... Мне было ясно одно — рыба попалась, сейчас ее предстоит вытаскивать.

Потом события начали развиваться быстро: вручив мне кабель, велел его размотать и в дальнейшем следить, чтобы он весь не убежал в лунку, папа с дядей Сашей привязали его к концу отвязанной от проволоки снасти. Затем нарубили пешней около выборной майны несколько углублений во льду. Для чего это нужно, я сразу не понял, все стало ясно несколько позже.

Таскать начали вдвоем, кряхтя, отпуская сдержанные матерки сквозь стиснутые зубы и обильно потея. Рыба шла хоть и с большой натугой, но без сильных рывков. Папа отвязывал крючки, оказавшиеся на льду, отбрасывал их в сторону, на льду

появлялось все больше вытянутой хребтины — толстой капроновой веревки с на-
вернутыми на нее через метр длинными пластинами листового свинца.

Самое серьезное и страшное началось, когда рыбу-монстра подтянули к самой
лунке — почувствовав спиной лед, разъяренная впившимися в хвост острыми
крючками, она сделала такой рывок, что рыбаки, попадав, заходясь руганью, на
задницах подъехали к самой лунке. Я обмер и похолодел, казалось, что они сейчас
канут в воду и мне предстоит остаться один на один с речной громадиной. К моей
радости, мужики у самой майны уперлись расставленными ногами в вырубленные
углубления. С маюками они утвердились на ногах и потащили опять, чтобы по-
вторить действие еще два раза. На третий им повезло — из воды показался огром-
ный серый хвост, затем серо-белое толстое тело. Еще один рывок под яростную
отборную матерщину, изрыгаемую ощеренными в бешеном усилии ртами, — и
чудовище очутилось на льду. Я обмотал остаток кабеля вокруг палки и побежал к
севшим в изнеможении на сугроб рыбакам.

Лица мужиков блестели от пота, от них валил пар, как от загнанных лошадей,
оба трясущимися от пережитого напряжения руками пытались прикурить сигареты.

Убедившись, что с ними все в порядке, я решил рассмотреть улов. Приближался
с превеликой опаской — а ну как махнет хвостищем, где меня искать тогда? Пове-
лительница речных глубин впечатляла: длиной более трех метров, растопырившая
здоровенные плавники, лобастая, остроносая, с рядами острых костяных бляшек
по бокам толстеного темно-серого тела, доходившего в «холке» мне до пояса. Она
лежала на объемистом, грязно-белого цвета брюхе и взирала на меня, ничтожного
по сравнению с ней, маленькими, ничего не выражающими глазками. Тело ближе к
хвосту было утыкано не менее чем десятком больших крючков, хребтина завязана
в огромный узел.

Дальнейшее запомнилось не так отчетливо и было не так интересно: мужики
вытащили остаток снасти, спрятали ее в торосах, под лед запустили прогон — тот
же полевой кабель, чтобы при нужде поставить снасть снова. Затем пришла очередь
калуги. Перевернув набор начавшее покрываться кристаллами льда огромное тело
тети Моти, как окрестил ее папин напарник, вскрыли ножом живот, где, ко всеобщей
радости, оказались два здоровенных бруска черной икры. Каждый занял большой
рюкзак, всего вышло около шестидесяти килограммов. Куски рыбы, тяжеленные,
напоминающие чурки, отправились в выкопанную совковой лопатой глубокую яму у
тороса. Все это было тщательно замаскировано — желающих поживиться за чужой
счет хватало. Вывозить рыбу решено было завтра на мотоцикле, у дяди Саши был
«Урал» с коляской, заднее колесо которого на зиму обмотали отрезками велосипед-
ных цепей, для езды по льду и снегу. Я с превеликим усердием очистил лезвием
топора кровь, запятнавшую лед, и вскоре, весело обсуждая удачную рыбалку, мы
шли домой. Папа с дядей Сашей, пригруженные рюкзаками, шагали тяжело, нето-
ропливо, дымя сигаретами, я то забегал вперед, то возвращался. Поселок отчетливо
был виден до последней избы, уютно расположившись у высоких сопок. Дома меня
ждал триумф — я предвкушал, в каких красках распишу маме наше невероятное
приключение. Теперь я собственными глазами видел, как ловят рыбу-чудовище.

Глава 2

— Лешка! Лешка! — полностью погружившись в чтение книги «Приключения
Тома Сойера», я слышал на границе сознания папин голос, в котором проскаль-
зывали недовольные нотки, но сил оторваться от занимательного повествования
просто не было.

— Сын!!! — громыхнул выведенный из себя папанышка во всю мочь. Закипал он быстро, «заводной» был, по его собственному определению.

— А?! Чего?! — заполошно вскинулся я, поняв, что дело нешуточное.

— Галя звонила, послезавтра с подружкой в гости приезжает. Завтра поедем с тобой на рыбалку, нужно красной икорки добыть, да, может, осетра на пельмени поймаем. К обеду готовься! — выдав полагающуюся для меня долю информации, родитель скрылся за закрывающими дверной проем в детскую шторами. Галя моя любимая сестренка, она работает в городе, к нам приедет на свой день рождения. Тут уж нужно расстараться, не ударить в грязь лицом, тем более не одна приедет — с подругой. Глянул в окно — темнеет, червей копать поздно, значит завтра с утра, а сейчас немного почитать — и на боковую.

Ночь показалась темным мгновением — вроде смежил веки, когда за окном было как в кладовой без окон, а открыл глаза — будто телепортировался в новый, насыщенный звуками и красками мир. Из-за одинарных рам окна доносится птичье многоголосье, светит встающее солнышко, лают собаки, у соседей за забором, в нескольких метрах от моего окна, противно верещит кабанчик, требуя утреннюю долю корма.

Родители встали намного раньше меня, хотя будильник показывал пять пятьдесят шесть. В летней кухне никого, всюю трещит просохшими дровами беленая печь, на ее плите исходит вкусным паром кастрюля с будущим обедом; поет, закипая, чайник; тяжело пыхтит напревшим комбикормом большой бак. Это уже не для нас, а для двух подрастающих свиней, кои в начале зимы пополняют своими именами список съеденных Харитонов Дэ Кабано. Такое прозвище получала каждая из вновь заведенных особей свиного поголовья. Текучка была будь здоров, поэтому каждому присваивался номер, брали на откорм только кабанчиков.

Завтрак прошел весело, родители обсуждали, что приготовить на торжество, а я рисовал в уме картины предстоящей рыбалки. Получалось просто захватывающе — я такого наловлю, сестренка ахнет. И ведь был прав, хотя наловил в основном папа, я-то был на подхвате. Но обо всем по порядку.

Выехали в три часа пополудни, когда мама еще не вернулась с работы. Амур как зеркало, ни морщинки, «Прогресс» резво стремится вперед, оставляя за кормой пенную кильватерную струю и расходящиеся в стороны невысокие волны. Находясь в мечтах о роскошном улове, я, к своему стыду, не запомнил дороги совсем. Ну, как совсем? Тальники, да, мелькали, куда-то сворачивали и вдруг — раз! — мотор сбавил обороты и заглох, повинувшись одному нажатию маленькой черной кнопки рядом с рулем, нос лодки мягко ткнулся в ил на берегу, а родитель, прихватив топор, полез на гулко хрустящий дюралем кубрик.

Я огляделся. Ба! Так мы в Могучем улове, в протоке Черноусовская, неподалеку от захода в протоку Лабуга.

Примерно восьмидесятиметровой ширины протока, заросшая по берегам толстыми, не слишком стройными тальниками, делала здесь под девяносто градусов поворот вправо, расширяясь метров до ста двадцати. Затем, метров через двести пятьдесят, поворачивала влево, опять же под прямым углом, и устремлялась на юго-запад. Вот в месте расширения, где вода ходила по кругу, образуя улово, славящееся своей глубиной и уловистостью, мы и причалили. Бьется надоедливая мошка, лезет в уши, ноздри, глаза, кусает в любой открытый участок тела, поют птицы, барражируют на огромной скорости стрижи, всплескивает рыба. В развесистых кустах невысоких тальников некоторое время хрюпал топор, потом раздался шелест падающей тальничины, хруст, затем сочные ругательства.

— Сын, поди сюда, чего-то покажу! — позвал папа.

Выпрыгнув на слегка прогнувшийся подо мной сырой ил, перемешанный с песком, в коем взблескивали золотистые крупички и на котором я почти не оставлял следов, поспешил в заросли тальников.

— Во, смотри, видел такое когда? — родитель повел рукой вокруг себя. Я опешил, впечатление было такое, что попал на свалку, куда свозили продукты жизнедеятельности поселкового леспромхоза: траки от различных тракторов, взездеходов, огромные, тронутые ржавчиной подшипники, полуоси, коуши с привязанными кусками металла и вообще непонятно что и когда привезенное, вросшее в почву, проросшее травой и превратившееся в неотъемлемую часть здешней плодородной землицы, состоящей по большей части из песка, ила, перепревшей травы и листвы.

— Я сам очумел! — видя мое замешательство, объяснил папаня. — Если трак привезу, так я его забираю. А тут целую свалку устроили, глаза бы мои не глядели!

Плюнув на безобразие, вышли на берег; папа, крикая от усилий, вбил толстый кол у самого уреза воды, обмазал его илом для маскировки, привязал веревку от сети, и началась рыбалка. Я на веслах, родитель на кубрике выпускает донную сеть, изредка отрываясь от процесса и указывая рукой, куда грести. Балберы, повинуясь тянущим вниз свинцовым грузам, медленно погружаются в мутноватую воду, суля хороший улов — улово здесь богатейшее. Мошку отгонять некогда, руки заняты веслами, она вволю грызет мою тщедушную тушку, наслаждаясь процессом. Мои невеликие по малолетству силы были почти на исходе, когда трак на конце веревки звучно булькнул в воду, ознаменовав окончание постановки нашей рыбацкой снасти. Взревел мотор, и мы отправились в короткое двухкилометровое путешествие в протоку Лабуга, а вернее в один из ее заливов. Вволю порыбачив на удочку, наловив крупных сопливых касаток, плетей, нескольких карасей, пару сомиков, к закату я отправился ужинать. Поздним вечером, наевшись ароматнейшей ухи и напившись чая, сидя у костра, выбрасывающего весело потрескивающие искры вверх, в темное небо, слушая краем уха плеск рыбы, жирующей в заливе, и крики просыпающихся ночных птиц, я спросил дымящего сигаретой родителя:

— Пап, а что там, в улове, попасться может?

Тот немного подумал, сдвинул в костер прогоревшие сушины и, шевельнув бровями в раздумье, ответил:

— Все что хочешь. Сейчас летняя кета идет, так наверняка попадетсЯ. Осетров там много, верхогляды здоровенные, сазаны, а иной раз и калуга заглядывает.

Как в воду глядел.

...Расталкивая огромной головой упругие струи течения, в мутной глубине, глушащей звуки внешнего мира, плавно поводя широченным хвостом, плывет повелительница амурских глубин — калуга. Встретив неосторожную рыбину, резко выдвигает трубу беззубого рта, всасывая в желудок добычу, и движется дальше, не ожидая подвоха. Но впереди ждет вереница острейших крючков, покачивающих жалами встречь течению. Каждый привязан шестидесятипятисантиметровым крепким поводком к лежащей на дне пригруженной веревке, его тянет вверх двухвершковое коленце, оснащенное пенопластовой балберой. Рыбина скользит, касаясь крутым боком поводка, очередной взмах хвостом и... Р-раз! В тело за спинным плавником впиалась отточенная сталь. Рывок в попытке освободиться, хвост делает мощный гребок, и тотчас следующий крючок с легкостью вонзается в него, ограничивая движения. Со дна поднимаются густые клубы ила, уплывая по течению... О-ох!

Я проснулся с бешено толкающимся в самом горле сердцем, весь в поту, слишком реалистичным был сон. Рядом мирно похрапывал папа, неподалеку всплескивала рыба, за марлевой стенкой накомарника пищат комары, в напрасных попытках добраться до вожденной крови. До утра я уснуть уже не смог, осмысливая

подробности сна, мне казалось, что я и был той, попавшейся на крючки калугой. Небо за ветровым стеклом лодки посветлело, папин храп прекратился. Родитель заворочался, вылез из спальника и протяжно зевнул.

— Доброе утро, пап!

Тот повернул ко мне белеющее в полумраке лицо и ответил:

— Доброе, сын! Пошли чай кипятить!

Над луговойной стелется сказочно-загадочный туман, усыпивший всех, кроме нас, стекает в ложе залива, закручиваясь в хвосты, похожие на конские, медленно, беззвучно струится. Птицы затихли, рыба не плещется, пала роса, пригнув стебли густейшего пырея, осоки и высокие ростки белоголовника. Природа дремала перед пробуждением, чутко вслушиваясь в окружающую тишину.

Задымил костерок, сначала робко показав из-под сложенного шалашиком сухих тальниковых палочек маленькие язычки огня, затем освоился, затрещал, разогнав остатки утренней предрассветной серости, лизнул закопченное дно чайника, роняющее капли воды.

У костра тепло, но стоит отойти чуть в сторону, чтобы подтащить сушняка, как пробирает дрожь, несмотря на то что мы надели полушубки. По утрам на Нижнем Амуре бывает весьма прохладно.

У самого огня стоит подогреваемая открытая банка говяжьей тушенки, распространяя аппетитнейший аромат, слегка шипят ломти хлеба, подрумяниваемые на сырых тальниковых прутиках. Чайник закипел, выбрасывая из носика булькающий кипяток, папа тотчас снял ярящуюся, исходящую паром посудину с тагана, скovyрнул крышку и сыпанул в парящее недра горсть «номера 36». Запахло ароматной заваркой. Пока чай «напревал», по определению родителя, я накрыл импровизированный стол: нарезал сало, огурцы, достал конфеты-подушечки и слегка подсохшие пряники.

Завтрак рано утром на природе вышел намного вкуснее, чем дома, а пока мы допивали чай, солнце показалось над горизонтом, разогнав остатки тумана, запели птицы, запищали комары, послышался плеск рыбы, немного потеплело. Стебли травы засверкали тысячами мелких драгоценных камешков, каждая капелька росы преломляла солнечный свет по-своему.

Покинув гостеприимный табор, еще курившийся дымком прогоревшего костра, мы выбрали сеть, порадовавшую карасями, парой крупных шук, несколькими толстолобами и лещами, сазаном, двумя хорошими сомами и аухой. Самая интригующая часть рыбалки ждала впереди.

«Вихрь» разогнал нашу тяжелую посудину по глади залива, вытолкал в Лабугу, затем в Черноусовскую. Цель была близка, мое сердце колотилось все сильнее в предвкушении необычного улова, руки немного тряслись, да что греха таить — меня всего потряхивало. Папа не показывал никаких признаков беспокойства, знай дымил себе сигаретой, стряхивая пепел за борт.

Вот и улово, вода спокойна, не подумаешь, что в глубине таится сеть, поймавшая, быть может... Дальше воображение рисовало такое, что ни в сказке сказать.

Отвязав веревку от кола, родитель начал выбирать мокрую сеть на кубрик, застеленный куском брезента. Поначалу ничего интересного не было: красивая серебристая летняя кета, в основном самочки, несколько шипастых осетрят по килограмму-полтора, которых папа с руганью, окровавив пальцы, выпутал и выпустил в воду, затем на кубрике оказался осетр килограмм на пятнадцать.

— Во, давно бы так! — сразу повеселел папанька. — Да тут и икорка, кажись, будет, брюхатый!

Он оказался совершенно прав.

Но дальше было интереснее.

Внезапно родитель, вовсю кроющий мелких осетрят ругательствами, поскольку изодрал об их острейшие шипы все пальцы, замолчал, а через несколько секунд воплолоса обратился ко мне:

— Подай-ка мне, сын, топорик... Тут калугу нелегкая занесла.

У меня едва не выпрыгнули глаза из орбит, я, сразу позабыв про весла, наклонился через борт и начал разглядывать мутную воду. Ничего там не увидев, расстроился было, решив, что папа ошибся, но по мере выбирания сети на кубрик начало проглядывать что-то темное и весьма большое, а вскоре под бортом всплыла она.

Широкая темная спина, увенчанная рядом костяных шипов, верхнее перо хвоста, плавно помахаивающее почти у кормы, остальное скрывалось под водой.

— Эть! — Топор с тупым звуком ударил в покатый лоб рыбины. Та, затрепетав плавниками, всплыла вверх белым брюхом, опутанным сетью. Я, будучи не в силах осознать, как мы будем затаскивать в лодку такую тушу, оторопело пялился на необыкновенный улов. Целая буря эмоций завладела всем моим существом — видя рядом здоровенную калугу да стоя при этом не на крепком льду, а на пайолах качающейся лодки, я и ликовал, и отчаянно боялся одновременно, мне казалось, что борьба с рыбой только начинается.

Но оказалось, что никаких титанических усилий прилагать и не надо — папа достал из ножен, висящих на поясном ремне, остро отточенный нож, прорезал кожу за нижней губой калуги, привязал крепкую веревку, принайтовал ее к носовому кнехту и, выбрав до конца сеть, завел мотор. Повинуясь тяге, тяжелая туша направилась к берегу. Там мы вдвоем, пыхтя от усилий, закатали калугу на растеленный брезент, выпотрошили, разрезали толстое тело рыбины на тяжеленные куски, расфасовали по мешкам и донельзя довольные отправились домой, везя гостям царское угощение. По пути я то и дело оглядывался назад, за спинки сидений, разглядывая груды укрытых мокрым брезентом мешков. Такая рыбалка мне очень понравилась, без особых усилий была добыта целая гора вкуснейшей рыбы.

Глава 3

Амур как огромное зеркало, в котором отражаются облака, летающие над водой чайки и ласточки. Гараж для лодки, обшитый волнистым листовым железом, раскалился как духовка. Коровы, забредя по самое брюхо в воду, обмахиваются хвостами, недовольно трясут рогатыми головами, их донимают крупные оводы, тучей кружащиеся над бедной скотинкой. Я сижу за рулем приткнутой к берегу меж гаражами лодки, папанька поскрипывает лебедкой, беря на растяжку ворота, чтобы их не выбило волнами, коль таковые случатся.

Взревел «Вихрь», берег стал удаляться, открывая панораму поселка. Впереди ждала рыбалка, а уж какая она будет, так это бинарные высказывания индивидуума, утратившего социальную активность (бабушка надвое сказала). Наискось пересекли реку, миновали Барабашовку, сплошь заросшую тальниками, по правую руку проплыл длинный остров Наполегон, слева мелькнула брошенная рыбацкая землянка. Вид она имела самый печальный: стекло в оконце лопнуло, дверь висит на одной петле, труба камина наклонилась, будто кланяясь засыпанной илом и песком крыше. Всего год прошел, как здесь никто не ночует, а брошенное жилье совсем захирело.

Зато в недалекой протоке Черноусовской, в полтора метра от устья, стояло новенькое, рубленое из лиственничного бруса зимовье, с дощатым коридором, настоящей, сложенной из кирпича печью и широкими, человек на семь, нарами. Не успел я толком осмотреться, как папа позвал меня на берег:

— Иди сюда, сын, сетку наберем!

Я махнул под яр, к родителю, стоящему на песке у кубрика лодки, застеленного куском брезента. У его ног бугрился мешок с сетью, посаженной на узкие ленты, нарезанные из транспортерного ремня, и пригруженной так, чтобы сразу тонуть, не требуя дополнительных грузов. Пока распутывали дель, аккуратно складывали на брезент по отдельности веревки, папа рассказывал мне, где и что здесь ловится.

— Во-о-н, глянь, видишь, тальников немного торчит? К ним привязываешься, веревки метров десять выпускаешь, сетку прямо перпендикулярно берегу ставить нужно. Там яма, калуга это место очень любит, но осетра не жди. Частика поймать хочешь — вон в тот залив до развилки заезжай, городи, будет все что хочешь. Весной и осенью там шуки невпроворот, карася столько, что выпутывать замучаешься, тайменя я там ловил несколько раз.

Я, внимательно слушая, не забывал бодро перебирать сетку.

Тут мне вспомнился презабавный случай, произошедший несколько лет назад в землянке, чем я не преминул поделиться с родителем. Заночевали там поздней осенью два товарища. Ночи были уже холодные, непременно нужно было заготовить дров. Но пито было обильно, друзья растеклись заалкоголенными под завязку телесами на нарах и дружным храпом начали наводить террор на мышинное поголовье. Среди ночи один компаньон начал активно тормошить другого:

— Коля, растопи камин, замерз я совсем!

На вполне резонный вопрос, почему бы не сделать это самому, с непостижимой логикой пьяного человека ответил:

— А на хрен мне нужно!

Николай немного рассердился, за что винить его, по моему разумению, не стоило. Встав, он зажег свечу, прилепленную на краю маленького стола, разыскал болотные сапоги напарника и ножом не слишком аккуратно отрезал от них голенища. Остались коротенькие удобные калоши. Вскоре в камине с ревом горела резина, волны раскаленного воздуха разогрели замерзшего, скукожившегося Михаила. Тот заворочался, вытянулся на нарах во весь немалый рост и пробормотал сквозь сон:

— Ох, красота, тепло...

А утром, неверяще разглядывая оставшиеся от новых сапог огрызки, Миша спросил:

— Коля, а что с моими сапогами случилось?

На что тот, гордясь своей находчивостью, ответил:

— А с какого хрена тебе ночью тепло было?

Мы с папой посмеялись и оттолкнули лодку от берега.

Протоку пересекли на веслах, грести было всего ничего, едва двести метров. Минут через пятнадцать в воду, вслед за исчезнувшей в глубине последней балберой, бултыхнулся трак от вездехода ГТТ, используемый как якорь, ознаменовав начало рыбалки. Проехали в залив, поставили сеть-липучку. Едва родитель привязал конец веревки к жесткой осоке, как сразу стало неудобно — комары кусали немилосердно. Странно, до этого я их не замечал, сосредоточившись на процессе постановки снастей.

Наш немудреный ужин, состоящий из рожек с тушенкой, поперченных и посыпанных укропом и луком, соленого сала, огурцов, помидоров и обжаренных над углями костра ломтей хлеба, подходил к концу. Я уже начал разливать по эмалированным кружкам крепко заваренный чай, как вдалеке, на пределе слуха, появился звук работающего на больших оборотах лодочного мотора. Прошло несколько минут, и в берег рядом с нашей лодкой мягко ткнулся «Прогресс-4», за рулем которого восседал старенький бывший рыбинспектор Чернявский. На

пассажирам сиденье сидел его бессменный моторист, фамилию которого я не помнил. Мы с папой поздоровались первыми.

— Здорово, мужики! — ответил нам рулевой, пассажир мрачно кивнул. — Браконьерим мал-мал? А мы сейчас тоже сеточки поставим и к вам. Вы от тех кустиков поставили? — Папа кивнул. — Ну тогда мы трошки выше заберемся, там ямка еще глыбже, благородной рыбки хочется! — Престарелый маленький мужичок осклабил в улыбку.

Вечер, стемнело, пала обильная роса. Тишина, в протоке лениво плещется рыба, начали подавать голоса ночные птицы. Рядом с зимовьем, темной мрачной тушей чернеющим среди корявых тальников, уютно потрескивает костерок, мужики, сидя на чурках у огня, дуют чай, дымят сигаретами, травят рыбацкие истории.

— Во, Валентин, мы позапрошлую зиму дали так дали! — рассказывает Чернявский. — Поставили хребтину в начале декабря на шестьдесят крючков. Поначалу ни хрена, снимать уже хотели. Приезжаем, мать-перемать, там такая дура врехала, хрен выгащишь! Начали думать, чего делать, а Иван говорит: давай ее «Бураном» тащить! А чего? Лунку под наклоном пробили пошире, чтоб крючки не цеплялись, я сел на снегоход, ка-ак газанул, она как миленькая выскочила хвостом вперед! Килограмм на шестьсот была, икряная. Да, бляха, крючков двадцать сломал, один хрен.

Он с досадой сплюнул в прогорающий костер и продолжил:

— А тут нынче должна быть калужка, чую! Место фартовое, сколько раз здесь ловил, да тут еще и бестер, и шип!

Тут мужики начали вспоминать, где каких калуг ловили, я только диву давался, какая богатая у нас река. О бестере и шипе я еще и не слыхивал, что это за рыба такая, не имел ни малейшего представления.

Чай кончился, разговор начал прерываться, затем постепенно сошел на нет, все начали зевать, пора было укладываться спать. Нары, застеленные ватными матрасами, где мы вольготно развалились, погрузили всех в сладкий сон.

Спалось куда с добром, только я иногда просыпался от особо громких всхрапываний мужиков. Едва за небольшой окошком засерело утро, как все поднялось. Я отправился на улицу разжигать костер, старшие дымили сигаретами, сидя на нарах. Алюминиевый чайник начал выбрасывать из носика сначала пар, затем булькающий кипяток, когда появившийся на улице папа перехватил инициативу в свои руки. Пока он заваривал чай, ходил отливать в тальники, переговаривался с мужиками, я поджарил на прутиках кусочки сала, разогрел в котелке рожки, поджарил над углями ломтики хлеба. Стол вышел не бедный, кроме наших продуктов были вареные куриные яйца, жареная кета, соленая красная икорка.

У весело трещавшего костра, под писк комаров, среди проплывающих ключев тумана, с аппетитом позавтракали. Бывший рыбнадзор шутил, сыпал прибаутками, веселя меня, его напарник мрачно жевал, глядя в костер, отхлебывал чай и был больше всего похож на разбуженного днем филина. Папанька посмеивался, не забывая с аппетитом наворачивать снедь, весело мне улыбался. Время летело незаметно, солнце оторвалось от горизонта, осветив тальники, луговину с изумрудным пыреем неподалеку от зимовья и начав пригревать; пора было проверять сети.

Сначала сняли сетку в заливе, улов был хоть и небогат, но нам хватит: несколько карасей, щук, большой сом килограмм на десять, верхогляд, пара толстолобов. Сеть заняла свое место в мешке, рыба отправилась в другой, наполненный под завязку.

Пришла очередь второй снасти, на которую я возлагал большие надежды. Несколько метров мокрой дели легли на кубрик, обтекая струями воды, я вертел головой, пытаюсь разглядеть всплывающую рыбину, но все было тщетно.

Б-бух! — грохнулся на укрытый брезентом дюраль сазан весом не меньше пуда.

— Во, котлеты, пельмешки будут! — возликовал родитель. Тут он был прав, сазанятина вкусная, умело приготовь, так за уши не оттянешь. Меня же столь вожделенный в другой раз улов совсем не порадовал, надеялся-то я на совсем другую рыбу. И не зря я про себя молил речного бога послать в нашу сеть речную царицу — папа обернулся ко мне, поманил пальцем и прошептал:

— Давай топор!

Подав требуемое, я, не забывая табанить веслами, насколько мог, подвинулся к борту лодки, согнулся вопросительным знаком и уставился в воду у кубрика. Там, опутанное крепкой делью, виднелось нечто большое, но совсем непохожее на калугу: темно-болотного цвета, отливающее зеленым тело, с рядом гладких костяных бляшек. Подтянув рыбину поближе, папанька взмахнул топором. Бух! — с тупым звуком обух врезался в кость. Дальше было дело техники — вскоре, заведя мотор, улов подтащили к пологому песчаному берегу, поднатужившись, выкатили из воды и обмыли от песка. Такой рыбы я еще не видывал, хотя порыбачить пришлось уже немало.

В целом похожая на калугу строением тела, она отличалась более тупым носом, окрасом и тупыми костяными бляшками.

— Вот, сын, это бестер, лучше рыбки для талы не найдешь! Да и пельмени-котлеты получаются куда там сазану.

Вынув из ножен нож, папа приступил к разделке.

— Сколько она весит, пап, как думаешь? — этот вопрос интересовал меня больше всего. Тот мазнул окровавленной рукой себя по лбу, смахивая насосавшихся крови комаров, и ответил:

— Да под полторы сотни кило потянет, засаливать придется, осенью закоптим, как мух не будет.

Восхитившись, я начал с удвоенной энергией обмывать водой измазанные песком куски рыбы, оказавшиеся на срезе желтовато-красного оттенка, и помогать расфасовывать их по мешкам. Меня переполняла радость от необыкновенного улова, комары отошли на второй план и были почти незаметны.

Но сегодня мне предстояло удивиться еще раз. Позабыв за делами про все на свете, занявшись только рыбой, проворонил тихонько подъехавшую лодку. Форштвень с шорохом вошел в песок, я обернулся и увидел незабываемую картину: на заваленном мокрой сетью кубрике стоял улыбающийся Чернявский, в раскатанных до паха болотных сапогах, за рулем сидел его напарник, а под бортом...

Привязанная крепкой веревкой за прорезь в нижней губе, сквозь мутную воду виднелась огромная калуга. Своими размерами она мне живо напомнила пойманную папой несколько лет назад, зимой, когда я впервые был на настоящей, серьезной рыбалке.

— Ну что я вам говорил, робятки? Не верили? — на всю протоку загремел бывший рыбнадзор. — Вот она, попалась, родимая!

Он спрыгнул на песок и продолжил:

— Помогите, мужики, на берег ее вытащить, не в воде же разделявать.

Усилий четырех человек оказалось недостаточно, пришлось воспользоваться свежесрубленными толстыми вагами. Изрядно вспотев, извозив чудище в песке, мы закатали его на берег как толстенное бревно. Мне очень хотелось посмотреть, как рыбаки будут разделявать пойманное чудище, но моему желанию не суждено было сбыться. Папе скоро нужно было идти на работу. Оставив мужиков разбираться с чудо-рыбой, мы поехали домой, дел было невпроворот.

В открытую настежь дверь моей дощатой мастерской светит яркое июньское солнце, над окном горит двухсотваттная лампочка. Освещен весь интерьер: верстак с электронаждаком, тисками и разложенными инструментами, у ворот с тыльной стороны снегоход «Лайка-2», мешки с сетями, пешни, сачки, калужьи и осетровые крючки, развешенные на вбитые в стены гвозди, и множество других, нужных в рыбацком хозяйстве вещей. У входа две старенькие табуретки, на которых восседают мы с Сергеем. Работа у нас сегодня самая ответственная — заточка снастевых крючков, уж очень хочется поймать осетра.

По такому случаю самоделки отобрали шестимиллиметрового сечения, для такой рыбалки это в самый раз, хотя выбор был весьма богат — и восьми-, и десятимиллиметровые, кованые, способные выдержать любого монстра. У наших ног лежит груда огромных, по сравнению с обычными рыболовными крючками, металлических изделий, едва тронутых ржавчиной на длинных жалах, с привязанными капроновыми поводками толщиной в мизинец. Заточка требуется такая, чтобы поставленный жалом на ноготь пальца крючок не скользил.

Сергея приволок за пазухой початую бутылку водки, вознамерившись выпить подальше от жены, но я решительно воспротивился. Знаю я его — дернет сто грамм и не остановишь, тогда все мне самому делать. Недовольно потряся кудлатой головой, мой напарник спрятал свое сокровище в мешок со сплавной сетью. Повозиться с подготовкой орудий лова пришлось презрительно, решили не мелочиться, поставить длинную хребтину. Лениво переговариваясь, разморенные жарой, мы неспешно водили напильниками с бархатной насечкой, окунали отточенные крючки в солидол и аккуратно складывали в фанерный ящик. Дел было еще много: предстояло отобрать подходящие балберы с капроновыми короткими поводками-коленцами, распутать крепкую хребтину — толстый плетеный шнур, отягощенный свинцовыми грузилами, сварить якорь, чтобы становой груз не полз по илустому дну.

День уже клонился к вечеру, когда мы, уставшие и голодные, выбрались из мастерской. Якорь буду варить завтра на работе, а послезавтра и снасть поставим, если погода не подведет.

В обеденный перерыв, стоило монтерам разойтись по домам, как я поспешил к маленькой деревянной будке, где находился сварочный трансформатор. Включив рубильник, вставил в держак толстый электрод и задумался. Затем, порывшись в куче железного хлама, выбрал цельнометаллический кардан без крестовин, с одного конца накрепко приварил к нему коуш, с другой два трака от трактора и четыре тракторных пальца, расположив их крест-накрест. За работой совсем забыл о времени, к реальности меня вернул голос начальника.

— Да ты, Леха, калужатинки захотел, я смотрю! — Саныч с улыбкой разглядывал мое творение. — Отличный якорек сварил, молодец! Поймаешь, так меня не забудь, кусочком угости, нынче еще не пробовал, дела замучили.

— Обязательно угощу, Сергей Саныч, пусть только попадетсЯ, для хорошего человека ничего не жалко!

Я забросал свое изделие кусками железа и поспешил в монтерскую. Рабочий день продолжался.

Вечером следующего дня мы подъехали на лодке к острову Дайду, на правый берег Старого Амура. Вода немного упала, обнажив полоску илесто-песчаного берега, где во множестве валялись коряги. Мелководье кишит мальками, брызгающими на поверхности воды при приближении крупной рыбы, горланят чайки, недовольные нашим присутствием. На яру высились стройные тальники, зеленели

заросли красной смородины, краснели ветви краснотала. Пели птицы, пищали комары, изредка всплескивала рыба, пуская по водной глади концентрические круги расходящихся волн.

Место было удачное — глубина здесь стабильная, пять-шесть метров, дно илистое, какое предпочитает осетр, изредка забредала сюда и калуга, но крупных особей прежде не попадалось, хотя я рыбачил здесь летней порой года четыре.

Сначала нашли замытую песком здоровенную корягу, привязали к ней один конец оцинкованной проволоки-пятерки, коей у нас была целая пятидесятиметровая бухта, второй конец накрепко срастили с хребтиной, разложенной на пайолах лодки. Окончание основы снасти венчал сваренный мною якорь, который в нашей местности назывался пахарем.

Мой напарник завел мотор, и мы медленно тронулись немного наискосок встреч течению, чтобы нивелировать неизбежный снос. Тихонько булькает выхлопом в воду «Вихрь», я, стоя на корме, держу обеими руками, одетыми в грубые брезентовые верхонки, конец проволоки. Ее петли с берега сбегают в воду, скрываясь в мутной глубине. Проволока кончилась, натянувшись в струну, пришло время хребтины, заскользившей меж ладоней, горяча ткань рукавиц. Пришло время пахаря — я поднял его над бортом и булькнул в воду, подняв тучу брызг. Вроде все прошло на ура, можно было немного перекурить и приниматься за дальнейшую оснастку снасти.

Понемногу вечерет, комарье становится все злее, река затихает. Лодки рыбаков перестали морщить волнами речную гладь, стало прохладнее. Серега сидит на кубрике, взяв нераскатанными болотными сапогами по песку, курит, прищуриваясь от дымка, и поет похабные частушки в перерывах между затяжками. Я оснащаю балберами крючки — в двух с половиной сантиметрах от жала накрепко, до отчетливого скрипа затягиваю двойной петлей коленца и вешаю готовое орудие лова на обрамленное алюминиевым профилем ветровое стекло. К закату началась самая ответственная часть рыбалки: стоя в открытом люке кубрика, перебираюсь по вибрирующей на течении хребтине, вяжу через семьдесят сантиметров крючки. Опушенные в воду, они некоторое время плавно покачиваются на поверхности воды, затем медленно погружаются в глубину, грозя остриями. Серега лениво пошевеливает веслами, держа лодку носом встреч течению, вполголоса поет песню, ему скучно. Он вертит кучерявой головой во все стороны, ахает, тычет пальцами в выпрыгивающих из воды на середине реки калуг, отвлекая меня от работы. А зевать тут никак нельзя — крючки вяжу самозатягивающимися узлами, отвлечешься, за руку цапнет острое — и отправишься мерить глубину.

Наконец крайний крюк булькнул балберою по поверхности воды и снасть легла на речное дно, ожидая улова. А нам оставалось только ждать, свою часть работы мы выполнили на совесть.

В семь часов вечера следующего дня я без особой охоты взялся руками за проволоку, ведущую к крючкам. Большой удачи нам не светило, я был в этом уверен. Была у меня одна примета, о которой расскажу несколько позже. Острия крючков и коленца были немного замусорены принесенным течением мохом, как мы его называли, в котором копошились мелкие рачки, столь любимые осетрами. Очищая крючки, я дошел почти до конца снасти, когда хребтина несколько раз слабо дернулась. На поверхности воды показался осетр килограмм на пятнадцать, за ним еще один, такого же размера. Один из них одарил нас тремя литрами черной икры. Довольные уловом и друг другом, мы разошлись по домам до следующего вечера, но встретиться нам пришлось намного раньше.

Ночью мне приснился очень интересный сон — я имел приятные амуры с весьма темпераментной дамой немалой комплекции, к тому же активно брыкающейся. Это означало, что на снасть попалась калуга, к бабушке не ходи, проверено было

неоднократно. Едва рассвело, как я был на ногах. Собрал чистые мешки, отточил нож, и стоило времени подойти к восьми часам, а я уже имел в активе отгул, любезно предоставленный начальником. Он, впечатленный моим взбудораженным видом, не прекослова, отпустил меня, благо срочной работы не было.

На звонки телефона напарник упорно не отвечал, пришлось идти к нему. Спустился с горки по узкому проулку, миновал шумящий по камням ключ, оставил позади дымящую толстой трубой кочегарки общественную баню — и я на месте. На стук в дверь никто не откликнулся, стоило мне переступить порог, как в нос шибанул густейший дух водочного перегара и сигаретного дыма. На столе стояли две пустые бутылки из-под лимонной водки, подсохшая черная икра в тарелке, отгрызки хлеба, жопки огурцов, остатки жареной картошки на чугунной сковороде. Серега спал под боком жены и был безнадежно пьян. Но стоило мне втолковать ему ситуацию, как он активно завращал расфокусированными глазами, утвердился на ногах, умылся, забросил на плечо пустой с виду рюкзак и подался за мной, неуверенно перебирая непослушными конечностями.

Все время, пока ехали до снасти, напарник черпал рукой воду из-за борта, утоляя ею похмельную жажду, а я думал, что за улов нас ждет и как с ним разбираться — надежды на Серегу не было никакой. Стоило мне взяться за проволоку, как сразу стали ощущаться плавные, но мощные рывки. По мере приближения к беспокойной рыбине рывки становились все резче и сильнее, норовя вырвать меня из люка кубрика, хребтина то подвсплывала, показывая ряд балбер, то резко ныряла вниз. Смотреть за напарником времени не было, и он воспользовался этим сполна — достав из своего рюкзака солдатскую флягу, приложился к водке от души. Заметив краем глаза столь непристойное поведение, я зорал изо всех сил, но было уже поздно. Запив алкоголь водой, Серега приободрился и заверил меня, «шо усе будет на высшем уровне». Подобравшись к улову на расстояние в пару метров, я оглянулся. Вовремя похмелившийся напарник, держась за весла, искренне веселился, радуясь происходящему, а на мою просьбу подать «боевик» — огромный, кованный из двенадцатимиллиметровой проволоки крючок с бородкой и привязанный крепчайшей веревкой — совсем закис от смеха и осел на кормовое сиденье.

Со свирепыми мапогами я перелез через ветровое стекло, насадил «боевик» приваренным кольцом на крепкую палку и, подобравшись поближе к бешеной рыбине, вонзил острие рядом с широким хвостовым плавником. Яростно рванувшись, она едва не выдернула меня из кубрика. Если бы я не расставил ноги шире и не уперся ими в края люка, то все закончилось бы весьма плачевно. Пронесло. Выдержав еще несколько рывков, я подтянул ярящуюся калугу под самый борт и с ожесточением врезал ей в лоб обухом топора. Мне казалось, что глушу не рыбу, а моего бестолкового напарника, настолько я был зол. Подтащив улов к берегу, под мою ругань выкатили трехцентнеровую тушу на песок, срезали острые костяные бляшки, разрежали на большие куски и расфасовали по мешкам. Серега, глядя на меня, пышущего яростью и молчаливого, немного присмирел, хмель из него понемногу выходил, он страдальчески морщился, тер виски и исходил нездоровым потом. У меня болели руки и ноги, слегка потряхивало, сказывалось перенесенное нервное напряжение. Я злился, вспоминая перипетии борьбы с калугой, и ясно осознавал, что сегодня мне очень-очень повезло, что острый крючок не выдернул меня из кубрика и не погрузил в речные глубины. С таким напарником случиться это могло на раз. В гараже на берегу мы разделили калужатину на две равные части, и я развез на мотоцикле добычу по домам. С Серегой рыбачить я зарекся. Вечером отнес в мешке Саньчу кусок рыбы килограмм на двадцать, врезал с ним предложенную стопку и пошел домой есть пельмени с калужатиной, пахнущие перцем и лаврушкой, плавающие в растопленном домашнем сливочном масле.

Глава 5

Зима в тот год выдалась несчастливой для подледной рыбалки. В начале декабря на снасть-половинку, как называлась хребтина, оснащенная сорока пятью крючками, попался осетр меньше пуда весом, и наступило затишье. На проверку ходили с папой то по очереди, то вдвоем, все было тщетно. Каждый раз все шло по отработанному сценарию: пробивалась лунка, проволока вытягивалась из воды повыше, чтобы приподнять якорь ото дна, затем с надеждой резко потягивалась несколько раз. Увы, ответных рывков не было. То ли рельеф дна сменился, то ли рыба нынче предпочитала плавать в других местах.

В середине января попался еще один осетренок, килограмм на восемь, в брюхе его было чуть больше литра икры. Папанька, крепко озлившись, потребовал снять снасть, только отнимающую время, но я на свою голову его отговорил. И вот однажды рано утром родитель потряс меня за плечо.

— Леха, вставай!

Поначалу я не мог спросонья понять, чего это он меня будит — сегодня воскресенье, капканы я в тайге уже снял, идти некуда.

— Давай-давай, подымайся, калуга попалась, я сон видел!

Это был весьма серьезный аргумент, хотя мне на сей раз ничего особенного не приснилось. Быстро умывшись, без лишних разговоров позавтракали, собрались и вышли. Папа, сойдя с порядком заметенного снегом крыльца (ветер, дувший без перерыва три дня, стих только под утро), сунул в рот сигарету, прикурил и бодро застрелял валенками впереди меня. Только на заснеженном льду Амура, выбросив бычок, родитель объяснил мне причину спешки.

— Ты представляешь, сын, что мне приснилось? Я с нашей дежурной, Любой, переспал! Трам-тара-рам! — Он, не стесняясь, крепко выругался. — А вместо презерватива две резиновых перчатки надел, одну на другую! Ох, бляха, чувствую, какая-то хреновина случится!

Тут я был с ним совершенно согласен, не к добру, ой не к добру снится подобное. Идя рядом с необычно молчаливым в это утро папой, перешагивая затейливо вытесанные ветром-искусником заструги, окрашенные лучами восходящего солнца в розовый цвет, я и не предполагал, что ждет нас сегодня.

Придя на место, пробрили лунку, и проволока сразу рванулась вниз, придавив пальцы взявшегося за нее родителя ко льду. Вдвоем кое-как освободили пострадавшую конечность и с пониманием переглянулись — рыба попалась очень серьезная. Без лишних слов пробрили лунку до метра в диаметре, с другого конца снасти привязали прогон из кабеля-полевика и уселись рядом на расстеленный полубубок, чтобы передохнуть перед главным действием. Покуривая сигарету, папа толкнул меня в бок и спросил:

— Вытащим вдвоем или ну ее к черту?

Хотя я про себя немного сомневался в наших силах, ответил как можно уверенней:

— Вытащим, пап! Каких только не таскали!

Ох, как же я был самонадеян и глуп!

Обычно порядок выборки снасти соблюдался неукоснительно — подтягивая рыбину, сразу отвязывали вытянутые под ноги крючки. Иначе любой из них при сильном рывке мог уволочь неосторожного рыбака в воду и тогда прости-прощай, не успеешь «мама» крикнуть.

В этот раз все с самого начала пошло наперекосяк — стоило нам потянуть, как тяжесть таящегося в темной глубине улова, сопротивляющегося нашим усилиям, нарушила все планы. О том, чтобы отвязывать крючки, нечего было и

мечтать, в одиночку хребтину удержать было невозможно. Под нашими ногами оказывалось все больше крючков, и я, хрипя от усилий и обливаясь потом, с ужасом представлял, как отточенное жало вопьется в ногу и поволоклет в холодную темную бездну.

Останавливаясь временами для отдыха, хотя назвать его так можно было весьма условно, так как при этом приходилось изо всех сил удерживать рвущуюся из рук мокрую веревку, калугу подтянули к лунке минут за двадцать пять. Дальше дело застопорилось намертво: сколько ни пытались, заправить хвост рыбины в лунку не получалось. Промучившись с полчаса и совершенно выбившись из сил, решили устроить перекур.

Бросили поперек лунки пешню, мотанули за металлический наконечник хребтину и уселись на полушубок. Руки и ноги у обоих тряслись, сорванное дыхание с хрипом рвалось из пересохших глоток, одежда насквозь промокла от пота. Пытаясь ходящими ходуном руками прикурить сигарету, папа прохрипел мне, отрицательно поводя головой:

— Не вытащим мы ее, утопит нас, тварь такая! Со мной такого еще ни разу не было!

Я согласно кивнул, сил для разговора не осталось. Мной овладела странная апатия, будто вместе с силами физическими испарилась и сила воли. Я был похож на выжатую тряпку, но обратного хода уже не было.

Посидев минут двадцать и начав подмерзать на крепком морозце, решили попытаться счастья снова. С большой опаской я взялся за хребтину, и — о чудо! — она довольно легко поддалась, и через полтора метра перед нашими глазами предстал небольшой узел, в коем было три разогнутых крючка.

То, что сказал папа, воспроизведению не подлежит, ибо бумага терпит все, но нужно и чувства читателя пощадить. Я стоял в паре метров от широкой лунки, держа в руках хребтину и неверяще разглядывая доставшееся нам вместо добычи недоразумение. Родитель с невыразимой досадой махнул рукой и скомандовал:

— Вытягивай остаток, ну ее к чертям собачьим, такую рыбалку! — отвернулся и начал отвязывать подмерзшие поводки крючков. Но стоило мне потянуть, как хребтина со страшной силой неумолимо повлекла меня все ближе к воде. Калуг изначально было две! Заорав со страху сорвавшимся на петушинный крик голосом, чтобы привлечь внимание папы, из последних сил уперся ногами в истоптанный снег. Все началось по новой, теперь мы иногда не могли устоять на ногах и падали на снег, где во множестве поблескивали длинными жалами крючки. Конечный результат был одинаков с итогами первого раунда, с той лишь разницей, что через час изнурительной борьбы, которая унесла остатки наших сил, мы увидели уже четыре разогнутых крючка. Разочарованию нашему не было предела, мы попадали около лунки, шепотом яростно ругаясь. Столько усилий псу под хвост, просто не верилось, что такое бывает. Разогнуть столько крепчайших крючков, что же за чудовища побывали в нашей снасти?

Уже на половине пути домой, едва перебирая трясущимися от усталости и перенесенного напряжения ногами, мы встретили маму, которая встречала нас с детскими саночками.

— Я смотрю от дома, вы еле идете, думала, рыбу тащите! Вот я на помощь и пошла.

Объяснять что-либо не было ни желания, ни сил. Дома, сев обедать, взяв ложку в дрожащую крупной дрожью руку, бросил взгляд на отрывной календарь. На листке было обозначено тринадцатое февраля — число, запомнившееся на всю оставшуюся жизнь.

Много мне пришлось половить калуг, бестеров, шипов и осетров, многими способами, во все сезоны. Ловил на закидушки, завознушки, хребтины, оснащенные крючками, ставные и сплавные сети. Но случай, который затмил все мои последующие уловы, произошел в самом начале моей самостоятельной рыбацкой карьеры.

Была середина мая, шестнадцатое число, тальники зазеленели листочками, на лугах пробилась десятисантиметровая травка, мелкие птицы весело переговаривались в гуще ветвей. Мы с одноклассником Димой ставили завознушку. Снасть сия весьма проста — девяностометровый плетеный шнур толщиной с палец, на конце трак от вездехода ГТТ, отступя от грузила два метра привязаны с метровыми промежутками семь мощных крючков, наживленных килограммовыми жерехами. Мотор вытянул слабину шнура встречь течению, трак булькнул за борт, и мы, полные радужных надежд, отправились домой. То, что нам попадетя, не снилось нам в самых сладких снах.

Утром семнадцатого мая мы пересекли на лодке безмятежно гладкий и спокойный Амур, я отвязал туго натянутый шнур от замытой песком коряги и начал выбирать его, стоя в люке открытого кубрика. Ни рывка, ни потягиваний, одно тупое натяжение. Напарник, скорчив кислую мину, вяло ворочал веслами, видимо не ожидая от рыбалки ничего хорошего. И тут...

Шнур резко отяжелел, будто на него навесили огромный груз, и около кубрика показалась калужья башка таких размеров, что я не видывал ни разу в жизни. Дима, узрев «лицо» чудовища, бросил весла, сел на кормовое сиденье и задуманно прошептал:

— Все! Она нас утопит!

Испугаться было чего — голова рыбы немногим меньше кубрика лодки. К нашему счастью, речной монстр был спокоен, ни разу не дернувшись. Навернув обухом топора по громадному лбу раз пять, я прорезал кожу за толстой нижней губой, вставил в прорезь крепкую капроновую веревку, привязал ее к кнехту и скомандовал заводить мотор. Я устроился на водительском месте и двинул рукоятку газа от себя, добавляя обороты, но рыбина была настолько тяжела, что лодка сделала вокруг нее три полных оборота, пока исполинская туша не всплыла и не легла вдоль борта. Подтянув улов к берегу, где калуга крепко села брюхом на мель, мы критически оглядели ее и пришли к однозначному выводу — самим нам тут делать нечего. Привязав чудовище к коряге, оставив Диму с топором в руках караулить необычайных размеров трофей, я рванул домой. Вернулся через сорок минут во всеоружии, с мешками и помощниками. Папа с зятем Михалычем выгрузились на берег и поначалу онемели от вида лежащей на мелководье калуги. Та превышала длиной «Казанку-5», а в холке была намного выше борта.

— Вот это пароход, бляха, ни разу таких не ловил! Вообще таких пойманных не видел. — Папа, почесывая затылок и выглядя весьма ошарашенным, еще раз оглядел наш улов и скомандовал: — Тащим ее на берег!

Куда там, размечтались: поймав брюхом песок, головастая, брюхатая монструозина не реагировала на наши усилия никак. Мы суетились вокруг нее как муравьи минут десять, затем бросили явно бесполезное занятие. Пришлось притащить принесенный течением поддон из-под кирпичей, взгромоздить на него башку рыбы и отрубить топором. Откатив ее в сторону и поставив носом вверх, Михалыч залез в обширную «трубу» рта и натянул его себе до самого брючного ремня. Вот это ничего себе картина, жаль, фотоаппарата не было: невиданных размеров окровавленная голова, изо рта которой торчит немалого размера голый до

пояса улыбающийся мужчина с волосатым торсом. Во рту калуги оказался нарост величиной с футбольный мяч, внутри которого находился сильно поржавевший здоровенный кованый крючок с бородкой и сорокасантиметровым обрывком разломаченного поводка. Значит, много лет назад она уже была поймана, заглотив наживку, но ушла в темные луга амурских глубин нагуливать жир.

Перевернув обезглавленную тушу светлым брюхом вверх, вспороли толстую брюшину, явившую нам в разъятой полости два огромнейших ястыка черной икры, занявших под завязку три больших мешка. Разрезать тушу такого размера на куски оказалось сложной задачей — приходилось делать прорезь в брюшине, чтобы можно было ухватиться двумя руками, двое тянули кусок в сторону, двое орудовали ножами. Управились с разделкой часа за два, вспотев, вывозившись в крови, иле и песке. Вывозили улов за два рейса, за кормой лодки вскипала крутая волна, поднятая перегруженной донельзя «Казанкой». Икорки вышло без малого сто восемьдесят литров, а калужатину, засоленную в четырехсотлитровых деревянных бочках, никто не взвешивал.

Калуги — самые крупные и величественные рыбы Амура. Чего только не находил я в их объемистых желудках: по нескольку десятков карасей зараз, крупных сазанов, серебристую осеннюю и летнюю кету. Казалось бы, нет в реке красной рыбы или белорыбицы, которую не в силах проглотить речная царица. Однако есть и такая, причем совсем невеликая, — касатка и плеть. Эти речные обитатели несут на своих слизистых боках нешуточную угрозу для громадных рыб — околожаберные, зубуренные, как пилы, острые колючки. Мой знакомый, водитель почтового глссера, рассказывал мне:

— Недавно дело было, Леха! Смотрю, неподалеку от Циммермановки калугу килограмм на двести пятьдесят — триста к косе прибило. Свеженькая, еще шевелится. Чего это с ней, думаю? Пристал, смотрю, целая вся, не битая, я было сначала решил, что под винт попала кому. В рот глянул — елки зеленые! Касатка в горле, колючками впилась, пищевод перекрыла, вот калужка-то и скапустилась!

Верилось в рассказ с трудом, но однажды и сам я нашел под берегом в русле Старого Амура едва живого пятидесятикилограммового калужонка, в горле которого была шестидесятисантиметровая плеть, вонзившая свои пилы до упора. Рыбина была полностью обессилена и обречена на голодную смерть.

Немало я порыбачил на великой реке Амур, вволю половил царской рыбы, коей, казалось, не будет конца-края. Но конец девяностых годов ознаменовался небывалой людской алчностью, когда в воды реки стали запускать двухсотметровые аханы, вылавливая зараз немислимое количество осетровых, вспарывать калугам, осетрам и бестерам животы и, не найдя икры, выбрасывать рыбу в воду. Продать, продать как можно больше и дороже! Как мне объяснил один из таких «рыбаков»:

— Икру баба посолит, я икорку в момент продам. А с калужатиной возиться мне некогда, чуть не круглые сутки на реке. Да и сколько за мясо возьмешь?

Так рассуждали далеко не все, но таких хватало в каждом поселке.

Народ, казалось, сошел с ума, будто жил последним днем. После нас хоть топ! — под этим отвратительным девизом жили и живут до сих пор слишком многие жители Приамурья. Сколь многочисленно ни было бы калужье поголовье, но и его можно проредить донельзя. Очень хочется надеяться, что наши потомки будут ловить для пропитания, а не для продажи вкуснейшую рыбу, повелительницу речных глубин.

